

II

*Пятница, 6 марта:
сообщение*

Было еще темно, когда он ушел. Проснулась я от того, что он наклонился и, поцеловав меня в лоб, прошептал:

— Я пошел.

Еще не совсем проснувшись, я повернулась к нему. Он был в теплой куртке. Через плечо большая сумка.

— Уходишь? — пробормотала я.

— Ты спи, спи, — сказал он.

Его шаги на лестнице я еще слышала, но заснула прежде, чем за ним захлопнулась входная дверь.

* * *

Просыпаюсь одна в постели. В щелку между рулонной шторой и подоконником просачивается бледный солнечный луч, светит мне прямо в глаз и будит меня. Времени половина восьмого. Уже можно и встать.

Я босиком плетусь умыться, стараюсь не обращать внимания на застрявшие в напольном покрытии коридора щепки и мокрые деревянные поддоны на земляном полу в ванной. У нас там нет верхнего

освещения, но Сигурд, когда сбивал кафель, подключил рабочую лампу. Она так и прописалась там — похоже, навечно. К счастью, сейчас достаточно светло, можно не включать ее. Она мощная, как и положено рабочим лампам, и дает резкий белый свет, под которым я чувствую себя открытой всем взглядам, как в душе школьной раздевалки. Пускаю воду, чтобы та согрелась, пока я раздеваюсь. Водогрейную колонку надо бы заменить — но Сигурд моется быстро, а я сегодня не собираюсь мыть волосы, так что сойдет.

Пластиковая душевая кабина. Она тоже мыслилась как временная. Сигурд спроектировал для нас душ: кабинка из кирпичной кладки, стеклянная дверца и мелкая белая плитка в голубую крапинку. Из всех не доведенных до ума помещений в доме ванная наиболее откровенно демонстрирует недоделки. Старая плитка отбита, новая не положена. Ни света, ни нормальной занавески. Ступаем по поддонам, чтобы не повредить пол; в стене дыра, из нее торчат водопроводные трубы. Временная кабина — допотопщина, доставшаяся нам от дедушки Сигурда. Какое-то время, глядя на этот недострой, я представляла дом таким, каким он станет: плитка в голубую крапинку, гладкая кладка стен, утопленные в потолке лампы; я чувствовала теплый изразцовый пол под ногами, горячую воду, которая под идеальным напором подается из современной душевой насадки с разными режимами. Теперь я вижу только, сколько времени займет довести все это до ума. Сунув ладонь под струю — определить, не нагрелась ли вода, — вдруг

понимаю, что уже перестала верить в то, что дом когда-нибудь будет приведен в порядок.

Под горячим душем я окончательно просыпаюсь. У нас здесь холодно. В спальне еще ничего, а в ванной жуткий колотун. Зима выдалась долгой, и каждое утро я, голая, стою, переминаясь с ноги на ногу, и сую ладонь под струю воды. Теперь дело хотя бы идет к весне. Душ действует благотворно. Капли стучат по моей холодной, в пупырышках, коже; я набираю воды в ладони и, окунаясь в нее лицом, чувствую, как меня вытряхивает из ночи в день.

Пятница. Три пациента, моя обычная пятничная когорта. Сначала Вера, за ней Кристоффер, последним Трюгве. Глупо назначать прием Трюгве последним в пятницу, но каждую неделю, под конец его сеанса, я не могу удержаться от соблазна снова назначить то же время. Набираю новую порцию воды, окунаю в нее лицо и растираю щеки ладонями. Сигурд с приятелями собирается остаться на Нурефьелле до воскресенья. В выходные я буду одна.

Одеваюсь в спальне: невмоготу лишнюю секунду задерживаться в холодной ванной. На постели валяются наши сбившиеся одеяла. Густо пахнет сном — во всяком случае, моим, а может, и его тоже. Когда он уходил, на часы я не смотрела; возможно, прошло уже несколько часов. Одежного шкафа у нас нет, но Сигурд закрепил металлическую штангу между дымоходом и стеной; на ней развешаны платья, рубашки и пиджаки. Его вещи — как попало, мои — аккуратно рассортированы по цвету. Я смотрю на его одежду:

непохоже, чтобы чего-то недоставало, но ведь он собирался ехать прямо в горы... Сумки на полу нет, и я вспоминаю, что она висела у него на плече, когда Сигурд уходил. Надеваю рубашку и брюки; одеваюсь нейтрально, прилично, и думаю, выбирая мягкую сизо-голубую рубашку, что всего лишь через несколько часов смогу снова подняться сюда, переодеться в спортивный костюм, если решу пойти в спортцентр, или надеть пижамные брюки и широкую футболку, если не пойду. Но сначала три пациента.

Три пациента — это, собственно, слишком мало. Мне нужно принимать каждый день по четыре, а еще лучше раз или два в неделю — по пять. Именно на это я рассчитывала, начиная практиковать частным образом. С частной практикой меньше бумажной работы, сказала я Сигурду, когда мы планировали наше будущее, сидя на кухне в нашей старой квартире возле Турсхов-парка и набрасывая семейный бюджет в экселевской таблице. Я прекрасно успею принять четырех пациентов в день, а то и пять. Почти каждый день по пять. Во всяком случае, раз в неделю. Лишние деньги нам не помешают. Мы засмеялись.

— Смотри не загоняй себя вусмерть, — сказал Сигурд.

— Кто бы говорил, — парировала я.

Он тоже тогда начал работать на себя и тоже делал расчеты в том же самом экселевском листе. По меньшей мере восемь клиентов одновременно, а лучше десять. Если надо, помогал партнерам, на счету каждый час.

— Придется задерживаться на работе, — говорили мы друг другу, — но нам это выгодно, пойдет в наш общий бюджет.

Теперь у меня почти всегда по три пациента в день и редко-редко пять. Почему так получилось? Найти пациентов оказалось труднее, чем я ожидала, и молодые часто отменяют визиты, но это только половина правды.

Я застегиваю последние пуговицы на вороте благообразной блузки-рубашки. Сидя в кухне на Турсхов и в свете старой настольной лампы Сигурда подсчитывая наши финансы на компьютере и бумажных листках, я забыла учесть одну важную вещь. Человеческий фактор. Даже мне, прекрасно чувствующей себя в собственном обществе, требуется общаться с другими людьми. Одним росчерком пера я отказала себе в коллегах, не догадываясь, какой одинокой себя почувствую. Какой апатичной стану. Рассказал бы мне кто-нибудь год назад, как меня будет тяготить необходимость рекламировать свои услуги с целью заполучить побольше пациентов, как это будет коробить меня, я бы не поверила...

* * *

Для меня завтрак — самая приятная из трапез дня. Я сижу в нашем кухонном уголке с газетой, бутербродом и чашечкой кофе. Есть я предпочитаю в одиночестве. Сигурд всегда уходит рано и проглатывает свой кофе возле разделочного стола, даже не присев. Я люблю завтракать не торопясь. Почитать на стра-

ницах «Афтенпостен» полемику, отзывы о фильмах. Спланировать рабочий день.

Опять он оставил чашку. Вон она стоит на столешнице рядом с раковиной. Отделка кухни — немного из того, что в нашем доме почти доведено до ума. Поверхность столешницы такая гладкая, что даже со своего места мне видно кофейное полукружье под его чашкой. Ну конечно. Возможно, эта способность увидеть кофейную лужицу под чашкой, крошки под тостером, капли воды на поверхности стола обусловлена биологическими различиями между мужчиной и женщиной. Сигурд хочет иметь красивый дом, строит подробные планы, корпит над искусно выполненными чертежами и впечатляющими графическими презентациями, но его подводит невнимание к мелочам. Сущие мелочи — поставить чашку в посудомоечную машину, вытереть со стола, вечером убрать компьютер... Почему же я так раздражаюсь, почему позволяю себе брюзжать из-за такой ерунды? Но, с другой стороны, почему бы ему не уделить этому три секунды своего драгоценного времени?

На этом витке мысли я перевожу взгляд на крючок в стене, на котором обычно висит тубус Сигурда. В нем он носит на работу и с работы бумаги и чертежи; это такая серая трубка из твердого пластика, к концам которой крепится черная ляпка. Когда тубус здесь, он всегда висит на этом крючке. Наморщив лоб, я смотрю на крюк. Сигурд же вроде собирался поехать прямо к Томасу, забрать их на дачу? Разве он не именно так сказал? И разве вчера вечером тубус не висел на стене?

Мне всегда было очень сложно реагировать на подобные нестыковки простым пожатием плеч. Вижу, как легко люди отпускают подобные вещи, и завидую этой легкости: не собирался на работу — ладно, может, я неправильно поняла. «Собираюсь прямо к Томасу», — сказал он; а может, я недослышала, может, он сначала собирался ненадолго заскочить на работу... Может, еще вчера оставил тубус на работе, а мне почему-то помнится, что он висел тут вчера, потому что он тут, собственно, и позавчера висел... Так было бы гораздо легче жить. Кажется, что люди не с такой хорошей памятью с меньшим подозрением воспринимают мир, меньше рыпаются. Взять, к примеру, все тот же разговор: я совершенно точно помню, как мы обсуждали это вчера, когда я поднялась с дивана в нашем временном уголке для отдыха и подошла к кухонной раковине, чтобы выплеснуть остатки чая, выкинуть в мусорное ведро использованный чайный пакетик и поставить чашку в посудомоечную машину; помню, что я обернулась — ну, может, в метре от кухонного уголка, где я сейчас сижу, — и спросила Сигурда: «Ну и когда вы едете завтра?» И сам Сигурд помнится мне так отчетливо, словно я вижу его изображение с невероятным разрешением в миллиарды мегапикселей, так, что все неровности на коже вырисовываются в мельчайших подробностях. Помню заношенный джемпер и дырявые штаны, которые он часто носит вечерами. Сигурд провел рукой по взлохмаченным кудряшкам, глянул на меня усталыми прищуренными глазами, будто я его разбудила, и сказал:

— Э-э... Я рано уйду. Хочу быть у Томаса в половине седьмого.

А я спросила:

— В половине седьмого?

А он:

— Да. Тогда мы пораньше доберемся до места, и у нас будет целый день, чтобы кататься.

А потом он, наверное, забыл, что едет туда, и взял тубус с собой. Или, может быть, собирался поработать на даче... Или передумал и решил все-таки захватить на работу?

Моя память хранит слишком много подробностей. Я слишком явственно помню, как он выглядел, когда мы говорили об этом; что на нем был плохо сидящий бежевый джемпер с черным воротом, вроде тех, какие ему покупает мать. Да так оно и есть, это она его купила до того, как мы познакомились, заверил меня Сигурд, когда я отважилась сказать ему, насколько этот джемпер непристойно ужасен. Это совершенно несущественная подробность, зачем мне помнить ее? Как бы то ни было незачем помнить, что я ответила «хорошо» и отвернулась, а когда убрала чашку в машину и оглянулась на диван, он уже щурил глаза на экран стоящего на коленях компьютера — брови сдвинуты, рот приоткрыт, — и я справилась с позывом сказать ему, чтобы сел поближе к свету: «Испортит глаза, и сними комп с колен, это вредит качеству семени, а может статься, что нам скоро понадобится, чтобы качество было на высоте; и не горбись, спина заболит». Я сказала только:

— Пойду лягу. Спокойной ночи.

Все это несущественно. Необходимо уметь отличать важное от всего прочего. Если запоминать все, труднее восстановить в памяти важное, то, что помнить нужно.

* * *

Из окна ванной мне видно, что по дорожке к гаражу, над которым устроен мой кабинет, идет первый на этот день пациент. При ходьбе Вера чуть склоняет голову вперед; благодаря этому ее легко узнать по походке, типичной для девушки-подростка, еще не вполне комфортно ощущающей себя во взрослом теле. Если спросить ее об этом, она, конечно, ответила бы, что считает себя вполне взрослой. Я вбираю воздух животом и слежу за ней взглядом, пока она не скрывается за дверью. До выходных осталось всего три пациента. Я чувствую себя измотанной, хотя только что встала.

Балансируя на одном из поддонов на полу ванной — Сигурд притащил их с одной из строек, которые инспектировал, — чищу зубы. Раковина досталась нам от старого дедушки Торпа, как и душевая кабина, а это значит, что ее установили до 1970 года, и с тех пор если кто и пытался ее модернизировать, так только старый Торп собственноручно. В душе отдельный кран для холодной воды и отдельный — для горячей, и когда я смотрю на них, то так и вижу, как старый Торп крутит их искореженными артритом руками. Дедушка Сигурда не верил в земные блага.

Он считал неизбежным воцарение в Норвегии коммунизма. Должно быть, он был разочарован, что на это потребуется так много времени; он-то ждал этого с пятидесятих годов. Когда старый Торп в конце концов испустил последний вздох в своем командном пункте на чердаке, его убеждения оставались столь же незыблемыми. Этому не помешал ни распад Советского Союза, ни экономический подъем Китая, но, надо думать, и этому тертому калачу взгрустнулось, когда его здоровье стало сдавать параллельно с тем, как коммунистические государства мира прогибались перед идеалами капитализма. Золотые дни его жизни пришлись на период холодной войны, и он ощутимо гордился, рассказывая всем своим гостям (главным образом это были мать Сигурда или мы с Сигурдом), что в семидесятые годы служба безопасности завела на него дело. Но вот в прошлом году всему этому пришел конец, и всё, что осталось от старика, — это памятные вещицы (старые печки и крапы) да командный пункт с бесконечными полками, забитыми чтивом — журналами для членов компартии и Рабочей коммунистической партии (марксисты-ленинисты), с полотнищами карт, на которых чертежными кнопками были помечены стратегически важные, по мнению старика, цели, и с допотопным ржавым револьвером, якобы принадлежавшим участнику русской революции. Торп раздобыл его в семидесятые годы для самообороны — или для того, чтобы у службы безопасности были основания приглядывать за его телодвижениями.

Смерть старого Торпа дала нам с Сигурдом возможность исполнить мечту о собственном жилье. В пятидесятые годы район столицы Нурберг ничем не выделялся, но с годами его привлекательность возросла, и в 2014 году молодой и исполненной надежд пары вроде нас невозможно было наскрести достаточно средств, чтобы поселиться здесь. Навестив старикана и торопясь к станции метро, мы могли повздыхать — мол, посмотри только, какой вид, и до пригородной зоны рукой подать, и до центра на метро всего ничего, и море отсюда видно... А что еще скажешь. Нам светила в лучшем случае квартирка в таунхаусе в спальном районе, без близости к чему-либо и без вида на что-либо. Но через два дня после того как обнаружили тело старика, констатировали смерть и отправили в похоронное бюро для дальнейших приготовлений, Сигурду позвонила его мать и сказала:

— Послушай-ка, вам ведь дедушкин дом на Конгле-вейен прекрасно подошел бы?

У Маргрете нет ни братьев, ни сестер, она живет в современном отдельном доме на Рёа. Брат Сигурда Харальд живет в Сан-Диего, ему дом в Осло не нужен. На Харальда зарегистрирована дача покойного отца Сигурда в Крукскуге, и тот обещал не продавать ее, пока мать не состарится настолько, чтобы поселиться там; зато когда в будущем придется продавать дом Маргрете, деньги достанутся ему. Дом старого Торпа перевели на нас.

Со смертью старого Торпа неприятно было еще то, что прошло почти три недели, прежде чем его нашли.